

Москва

ГЕРОИКА СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ

Премьера Ленинградского театра им. Ленсовета

Среди крупнейших русских флотоводцев фигура адмирала Павла Степановича Нахимова стоит несколько особняком. И судьба его по своей трудности и трагичности также не похожа на судьбы других русских адмиралов.

После блестящей победы над турками при Синопе судьба поставила Нахимова во главе героической обороны Севастополя. Он стал мозгом и сердцем этой великой русской эпопеи. Окруженный ничтожествами, вроде двух командующих — Меньшикова и Горчакова, Нахимов сумел превратить Севастополь в неприступную твердыню, о которую в течение одиннадцати месяцев разбивали себе лбы интервенты. Но ни яичные талиты адмирала, ни героям подвигшемуся им гарнизона — моряков и солдат — не могли ничего изменить в общем ходе войны, которая была проиграна режимом Николая I еще до ее начала. Нахимов видел и понимал это. Он видел вокруг себя всеобщую бездарность, казнокрадство, прямую измену и к копью обороны уже сознательно искал смерти, не желая пережить позора сдачи родного города. И нашел эту смерть от неприятельской пули на бастионе среди своих соратников и друзей.

Драматург Игорь Луковский ваял для своей пьесы именно эти последние трагические месяцы жизни Нахимова, от Синопского боя до доблестной смерти адмирала.

Луковский по поискам по пути хроник, акрудулесаго отражающей исторические документы. Он избрал линию наибольшего сопротивления и попытался построить пьесу о человеческих судьбах и характерах на достоверном историческом фоне обороны Севастополя.

Многое ему удалось. Удался прежде всего центральный образ пьесы — Нахимов. Строгим и даже несколько скучным приемами Луковский дает запоминающийся облик великого русского патриота, ревнителя чести русского имени и русского оружия.

Доходчивости этого правильно построенного образа способствует игра заслуженного артиста А. Жукова, сумевшего найти нужные средства для нооружения героического адмирала. Артист не только добился внешнего сходства, он нашел те суровые, но внутренние пламенные, сдержанные интонации, которые передают всю скрытую силу темперамента вождя Севастопольской обороны.

В поисках среди севавтопольских материалов ярких характеров для окружения Нахимова Луковский остановился на фигуре молодого Толстого. Чтобы органически ввести его в драматическую ткань пьесы, Луковский прибег к вполне закономерному, на наш взгляд, приему. Изучив материалы «всенепие» лет Толстого, Луковский перенес на севавтопольскую почву события его жизни, имевшие место ранее, во время службы Льва Николаевича на кавказской линии. История неудачного романа юнкера Толстого с кавказкой, страждущей впоследствии писателем в повести «Казаки» в истории влюбленности Оленицы в Мальенку, одианута Луковским к дням Севастопольской обороны. Мальенку в пьесе заменила матросская дочка, рыжая Васса, а ее подлюбленного, кавказка Луканьку — исторический герой Севастополя матрос Петр Кошка.

Эта линия пьесы развернута Луковским живо и правдоподобно, но ее, к сожалению, снижает малосудачное исполнение артистом Г. Каланшиковым роли Толстого. Трудно призвать в этом маленьком, суетливом, неуравновешенном армейском офицерке того Толстого, который и в юные годы выделялся и своим физическим складом и оригинальностью характера.

Бато превосходно несет роль Вассы В. Сопальская. А это роль трудная прежде всего по широкому диапазону. Вся она построена драматургом на реакциях переходят от непосредственной веселости, даже развязности «дочери Корабельной сто-

роны», обладающей острым и педержаным языком, к лирическим, порой даже трагическим раздумьям девушки из народа, рвущейся вперед и ищущей «большого счастья». Сопальская блестяще преодолевает эти трудности и создает очень цельный и притягательный симпатичный артефакт образа Вассы.

Достоинным партнером Сопальской является К. Злобин, также превосходно, о тонким юмором и большой душой, легкой рисующий облик подлинно народного героя матроса Кошки, одного из тех тысяч подневольных матросов, о которых Нахимов говорил, что они «есть главные движители флота». В изображении Злобина матрос Кошка сметлив, лукав, добродушен и в то же время по-настоящему героичен, являясь как бы коллективным портретом тех бесчисленных героев, которые вносили русскому народу неуязвимую славу в дни Севастопольской обороны. Не менее удачно играет артист С. Крылов роль матроса Рыбакова, неразлучного друга Кошки и его соперника в любви к Вассе.

Но если «толстовская» линия пьесы, делая на неудачу исполнителя роли Толстого, драматургически удачна, оправдана и органически входит в ткань пьесы, то вторая романтическая линия, придуманная автором, очень плохо и в значительной мере портит всю пьесу.

Луковский сводит лейтенанта Вурунова, человека большой культуры, заманяющего в дело потрапещцев, с «оборонительной» французской актрисой и шпиконкой Марк-Анж д'Обьянн. В поисках эффектных положений Луковский неожиданно сходит с позиций реалистической драмы в бульварной авантюре. В правдивую пьесу о героях русских людей неожиданно пристраивается нечто похожее на «Ожерелье королев» или «Графа Монто-Кристо».

И жаль смотреть, как талантливая актриса Яковлева мучается, чтобы хоть что-нибудь сделать со своей мертворожденной ролью, изображая то женщину-«шпик» из архива американской кинематографии, то камикуэса грошину. В неудаче актрисы целиком повинен драматург.

Необъяснимый срыв Луковского в этой части пьесы приводит даже к несправедливому автором искажению образа Нахимова. Запутавшийся в своих отношениях со шпиконкой, Вурунов, после обаяния с попойкой, заплывает офицером, что он исполнит свои вину. Зритель воспринимает его уход, как темнание честию сложить голову в бою. Но, соблазнившись бульварной молодчамою, Луковский неожиданно заставляет лейтенанта покончить с собой, а Нахимову, улавливающему, что никто, кроме старого боцмана, не видел самоубийства офицера, вымалывает в уста подвально «эффектное» оправдание Вурунова, предлагая принять порог, что лейтенант пал от случайного неприятельского пули. Совершенно невероятное, чтобы человек чести и долга, предельно правдивый и суровый патриот Нахимов мог пойти на компромисс со своей совестью, чтобы обелить запугавшегося в подозрительных отношениях офицера.

В пьесе есть ряд ярких, остроумно придуманных эпизодов — дукратное пленение английского офицера Звалса, сцена на бастионе, когда Нахимов приехавшего из Петербурга штабного хлыща, пришедшего от каждого пистреля, держит под огнем, волнующая сцена смерти мальеньки, восставания старого боцмана Самсонова.

Исполнители эпизодических ролей поддерживают хороший уровень спектакля, умно и культурно поставленного С. В. Радловым, которому пришлось приложить немало труда и находчивости, чтобы в ограниченных пределах сценической площадки театра создать спектакль, отражающий эпическое величие Севастопольской обороны. Это удалось постановщику. Немалая доля заслуги принадлежит в этом художнику А. И. Константиновскому. Его работа совпадает с общим содержанием спектакля. Лишь в последней картине создается некоторый артефакт аляповатой красоты.

В целом, исключая историю «демонической» Марк-Анж и лейтенанта Вурунова, «Адмирал Нахимов» — важная и ценная пьеса, воспитывающая в зрителе чувство патриотизма, уважение к героическим страницам русской истории и правильно изображающая доблестных защитников Севастополя, во главе с лучшим из лучших героев этой эпопеи — Павлом Степановичем Нахимовым.

Борис ЛАВРЕНЕВ